

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЗМА В ИСКУССТВЕ ГЕРМАНИИ: ОПЫТ ВЁРЛИЦА

*Работа представлена кафедрой зарубежного искусства им. И. Е. Репина.
Научный руководитель – кандидат искусствоведения, профессор В. И. Раздольская*

В статье рассматривается теория и практика историзма в искусстве Германии. Автор интерпретирует застройку парка в Вёrlице как образ современной ей концепции всемирной истории.

The article deals with the theory and practice of style revival in German art. The author interprets the complex of Wurlitz as a representation of the current conception of the world history.

Рождение принципиально нового взгляда на стили, который допускает и даже предполагает эстетическую и идеологическую игру с ними, в германских государствах пришлось на первые два десятилетия XIX в. – период романтизма и большого патриотического воодушевления, связанного с Наполеоновскими войнами. Старые художественные достижения немцев, ранее крайне редко становившиеся объектом поклонения исследователей, превратились в это время в предмет всеобщего обсуждения и образец для подражания, не уступающий лучшим памятникам античного искусства в вопросе красоты. Один из руководителей либерального патриотического движения, Э. М. Арндт, писал, что только с помощью художников прошлого немцы стали осознавать «величие и великолепие народа»¹, к которому принадлежат. От памфлетистов и литераторов не отставали ученые историки искусства, издатели и коллекционеры, занявшиеся популяризацией и репродуцированием североевропейской живописи XV–XVI столетий, мастера которой объединялись условным термином «старые немцы», и готики, все еще считавшейся тогда немецким по своему происхождению архитектурным стилем.

Кроме красоты формы и уроков патриотического чувства, в этих областях была

обнаружена способность внушать современному человеку определенные моральные, религиозные и государственные ценности. Этот подход изменил взгляды и на другие явления искусства и архитектуры: различные исторические стили, техники и конструкции, творческие методы. На практике идеологическое истолкование стилей особенно ярко проявилось в области уже послевоенного строительства общественных зданий и их живописного и скульптурного оформления. Здесь реконструкции и вариации старых стилей сталкивались и враждовали между собой как наглядные выражения современных политических и церковных идеологий.

Однако и до этого сложного периода обращение к прошлому искусства во всем его стилистическом многообразии представляло собой одну из главных составляющих немецкой культуры, – и даже не только в самые ранние годы романтического движения, но и у либеральных просветителей и штюрмеров. Уже тогда в изучении истории, исследовании разных образов жизни людей (идеальных, достойных почтения или просто любопытных) отчетливо выделялось стремление видеть в художественной форме концентрацию определенного мироустройства и мировоззрения. Это можно проследить по текстам И. Г. Гердера,

Г. Э. Лессинга, Ю. Мёзера, Гёте, а ранее и И. И. Винкельмана, начавшего изучать древнегреческое искусство строго в контексте специфического образа жизни греков еще в середине 1750-х гг. В то же самое время история человечества, и в частности история искусства, вошла в круг интересов всякого образованного человека.

Можно утверждать, что для второй половины XVIII в. изучение прошлого стало чем-то большим, чем просто наукой, удовлетворением любопытства, а также подбором образцов государственного устройства или образчиков для оформления интерьера. Прошлое – это побуждение к действиям и неиссякаемый источник переживаний, которые могут охватить как отдельного человека, так и многих людей сразу. В подобных условиях историческое знание как таковое приобретает огромные пропагандистские потенции. Историк-поэт без усилий может превратиться в идеолога, и даже такие вещи, как чистая немецкая речь или художественные стили прошлых эпох, станут для него мощным идеологическим оружием.

В германских государствах последней четверти XVIII столетия, в отличие от более позднего наполеоновского и послевоенного времени с их особыми условиями, не было еще острой необходимости в таком идеологическом использовании исторического энтузиазма, в превращении чьих-то личных переживаний в общественный воссторг по тому или иному поводу. В этот ранний период точные реконструкции или подражание различным историческим стилям были редки и проявили себя в ограниченной культурной области – внутри немецкой вариации английского парка.

Первым опытом такого рода стало устройство парка Вёrlиц в княжестве Анхальт-Дессау. Здесь начиная с конца 60-х гг. XVIII в. постепенно переделывалась и застраивалась княжеская резиденция, которая не только сыграла немалую роль в развитии паркового искусства и архитектуры

Германии и континентальной Европы XVIII столетия, но и может послужить для нас образом восприятия всеобщей истории в это время. Эта резиденция старательно повторяла тип новых британских имений, впервые представив на континенте английский парк с его «естественными» ландшафтами и характерной застройкой². Хозяина резиденции, князя Леопольда III (1740–1817), которого обычно называли Францем по его третьему имени, можно назвать монархом, соответствующим поэтическому образу государя-просветителя. Незадолго до начала переделок в Вёrlице он в утопическом порыве пытался отказаться от своего титула, женился на женщине бурггерского сословия и побывал в Англии – родине тогдашних передовых движений, в частности антиабсолютистских. Это произошло в 1763–1764 гг., и, как обычно, в путешествии князя Франца сопровождал архитектор Ф. В. Эрдманнсдорф (1736–1800), впоследствии прославленный германский палладианец. Согласно легендам, князь Анхальт-Дессау прикасался к каждому камню при строительных работах в своей новой резиденции, где постепенно появились представлявший собой палладианскую виллу дворец (автор Ф. В. Эрдманнсдорф), готическое здание, лабиринт, маленький железный мост, примитивные деревянные хижины и многое другое, включая даже извергающийся Везувий.

Работы продолжались несколько десятилетий, в конце концов перекинувшись из резиденции в сам Вёrlиц, – между этим старым городком и частным владением князя не существовало неприступной стены, что в XVIII в. любили подчеркивать. Парк носил открытый, общественный характер, и подданные монарха в любое время могли разделить его частные элегические переживания. При этом, разумеется, и князь Анхальт-Дессау, и другие создатели резиденции имели в виду идеологические возможности общественного парка как такового. Но если сравнивать их опыт со схожими

явлениями в XIX столетии, то ясно, насколько пропаганда даже позднего XVIII в. была слаба и невнятна на немецкой почве – в силу отсутствия подлинной в ней необходимости. Даже то в этой пропаганде, что по своему содержанию относилось к общественным и государственным делам, лежало все же вне политики и излучало чисто философскую и поэтическую силу.

Со временем многочисленные здания и павильоны Вёрлицкой резиденции наполнялись собраниями предметов ремесла и искусства различных народов и эпох. Среди них были, например, составленная в кругосветном путешествии коллекция Г. Форстера, собрание средневековых витражей, привезенных И. К. Лафатером из Швейцарии и Южной Германии и украсивших Готический дом (архитектор Г. К. Хезекиль), и античное собрание, для которого в Вёрлице была возведена копия Пантеона.

Нам известно, что представленные в Вёрлице различные исторические опыты строительства и различные достижения в области ремесел и искусств, начиная с самых примитивных, во второй половине XVIII в. определенным образом сравнивались и оценивались. Историческая терпимость в данном случае все еще включала в себя понятие о совершенном и несовершенном культурном опыте. Важнейшими характеристиками при выявлении совершенства здания или произведения искусства для этого поколения служили, как правило, характеристики технического рода и знакомство мастеров с математической гармонией. Это связано с обычной для того времени уверенностью в том, что между техническим и духовным прогрессом существует самая прямая связь. Но, несмотря на это ученое мнение, все обнаруженные историками не вполне совершенные свидетельства пройденного человечеством пути ограждались от насмешек и рассматривались как имеющие безусловную ценность памятники. Им можно было поклоняться как непосредственно, так и прибегая к

разнообразным их воспроизведениям, – в частности, в виде парковых павильонов. Вёрлицкая резиденция с отсылающими к разным эпохам зданиями, художественными и научными собраниями (например, ботаническими) создавалась одновременно как модель Земли и модель истории со всеми примечательными для владельца моментами. Вопрос о ценности того или иного исторического опыта здесь, как и в любом музее, имел третьестепенную важность. Обитатели и гости Вёрлица собирались прежде всего наблюдать воображаемое и идеальное единство исторических эпох, единство различных наций, составляющих вместе одно человечество³. Для этого достаточно было бросить взгляд из глубины парка на стоящие неподалеку друг от друга палладианский дворец и старую готическую церковь в центре города или от храма Венеры на Готический дом. Эти и подобные им возможности тщательно воспроизводились мастерами топографического пейзажа, работавшими над видами резиденции в 1790-е – 1800-е гг. (Й. Ф. Нагель, Х. Т. Вэле, К. Кунц, К. Хальденванг).

По примеру Вёрлица и одновременно с ним – приблизительно с середины 1770-х гг. – к устройству парков нового типа обратились и в других государствах Германии. Как и в Вёрлице, в них имитировались здания разных эпох и стилей, с той же самой «музейной» целью. Большое значение во всех этих быстро разраставшихся мемориалах имела также и установка «памятных камней», урн, бюстов великих людей и табличек с их изречениями. Разнообразные элементы парка, начиная с имитаций архитектурных достопримечательностей и заканчивая условными могилами знаменитых представителей человечества, были прежде всего рядом равнозначных поводов для переживаний и размышлений, связанных с миром прошлого. Разбросанные в пространстве, они представляли в зримой форме те памятные места, которые были отмечены внутри всеобщей истории еще в библиотеках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Arndt E. M. Deutsche Art. Düsseldorf und Leipzig, 1903. S. 76

² См. следующие издания: Der Englische Garten zu Wörlitz. Berlin, 1987 (здесь - републикация одного из путеводителей А. Роде «Beschreibung des fürstlichen Anhalt-Dessauischen Landhauses und Englischen Gartens zu Wörlitz», 1798); Rave P. O. Gärten der Goethezeit. Leipzig, 1941; Milde K. Neorenaissance in der deutschen Architektur des 19. Jhts. Grundlagen, Wesen und Gültigkeit. Dresden, 1981.

³ Понятия «единства» истории, нации, церкви и близкая к ним концепция политического «мира» имели исключительно важное значение для идеологий Просвещения и романтизма и, по мнению ряда исследователей, продолжают оказывать воздействие на мировую политику, экономику и мораль. Ср.: Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003.